

Б. Д. Голованов, кандидат философских наук, доцент,
Национальный технический университет
«Харьковский политехнический институт»;

О. В. Фролова, кандидат философских наук, доцент,
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

МЕНТАЛЬНОСТЬ И ИДЕОЛОГИЯ: ПОИСКИ КОРРЕЛЯЦИИ

В украинском политикуме после распада СССР активизировались усилия по поиску ментального своеобразия украинской нации и *формированию национальной идентичности*. Внимание многих исследователей сосредоточилось на прояснении значения понятия «национальная идея» и построении национальной идеологии. На первых порах не обошлось без опасных упрощений, проявившихся в том, что ряд исследователей, взявших на себя роль новых «идеологов», предложили создать новую ментальность путем симметричной замены – заменить коммунистическую идею на национальную с сохранением старых идеологических структур. Но эта затея с неизбежностью должна была потерпеть крах, так как в качестве идейнообразующих факторов использовали принципиально различные основания. Структуры, поддерживающие идею, «заточены» под нее. Нельзя систему, созданную с определенной целью, использовать для достижения других целей. Кроме перечисленных моментов, упрощается само понимание ментальности. Предлагаемый подход учитывает только видимый пласт социальных проявлений, а глубинная сущностная характеристика ментальности оказывается недоосмысленной. Весь комплекс методологических просчетов и привел к тому, что второй президент Украины Л. Кучма резюмировал в известном высказывании: «Національна ідея не спрацювала» («Национальная идея не сработала»). Она не сработала не потому, что была плоха (здесь неприменимы категории «хорошо», «плохо», здесь работает другой подход – либо идея есть, либо ее нет, а она, несомненно, есть), а потому, что ее попытались всунуть в прокрустово ложе старых представлений и принципов.

Вместе со сменой социально-политических установок меняются методологические ориентации общественнознания. Не *классовый* подход становится определяющим в анализе явлений общественной жизни, а *этнонациональный*. Национальная идея трактуется как квинтэссенция коренных интересов, общих для всех классов и социальных слоев, образующих нацию. Принципиальное отличие национальной идеологии от классовой усматривается в том, что первая ориентирована на укрепление социального мира, тогда как вторая

выражает стратегию социального конфликта и классовой борьбы. Господство определенной классовой идеологии становится итогом, конечным результатом политической победы одного из двух противоборствующих классов (буржуазии или пролетариата), тогда как упрочивание позиций национальной идеологии становится возможным в результате достижения социального компромисса. Социальный компромисс невозможен без жертв, оба класса жертвуют частью своих интересов во имя сохранения единого государства и нации.

Поскольку термин «идеология» в постсоветской Украине ассоциировался с советским марксизмом и методологией классового анализа, то при смене политических ориентаций остро встал вопрос о пересмотре в социально-философских исследованиях старых мыслительных стереотипов. Господствовавшая в советской науке марксистская парадигма не способствовала изучению особенностей происхождения и развития наций. Как справедливо отмечает П. Йолон: «Проблемы особенного самобытного и неповторимого в жизни народов если и изучались, то вытеснялись на периферию гуманитарного знания» [1, с. 373].

Методологический поворот в сторону исследования этногенеза и нациестроительства побудил, с одной стороны, дистанцироваться от термина идеология как нагруженного наследием советского марксизма, с другой стороны, активизировал поиски категории, способной достойно занять освободившееся место. Результатом поиска для украинских философов стало обращение к понятию «ментальность» и попытка с его помощью структурировать научные представления о духовном пространстве современного украинского общества [2; 3]. Как полагает руководитель исследовательского проекта М. Попович, исторически категория «ментальность» близка украинской философской мысли, которая не раз обращалась к изучению национального характера и социокультурных оснований этногенеза. Такой ракурс социальных исследований роднит украинскую философскую мысль со школой социокультурных исследований «Анналы», которая сформировалась во Франции в 20-е гг. прошлого столетия.

Детальное изучение ментальности европейских народов в начале XX в. затронуло не только Францию и страны Западной Европы. Аналогичное смещение философской мысли наблюдалось и в Российской империи. Интерес проявился к целому комплексу проблем, связанных с изучением ментальности и психологии народов. Как вклад в развитие этого направления можно рассматривать не только работы киевского профессора Ивана Лучицкого, но и труды выдающегося философа Николая Бердяева. Уяснению ментальности различных социальных слоев и народов посвящены такие его произведения, как «Русская идея», «Истоки и смысл русского коммунизма», «Духовный

кризис интеллигенции», «Судьба России. Опыт психологии войны и национальности». Характеристики ментальности европейских народов, данные в этих работах, до сих пор поражают своей точностью и глубиной.

В 90-е гг. XX ст. мы наблюдаем новый всплеск интереса к ментальности как характеристике человеческого духа. Следует отметить то обстоятельство, что к концу прошлого века категория идеологии настолько полно впитала специфику исторической эпохи, что возникали серьезные трудности с улавливанием тех изменений, которые происходили на более общем уровне категориального строя человеческого мышления. Понятия, которыми оперирует концепция идеологии, стали настолько предметно-конкретными и исторически узнаваемыми, что воспринимаются новыми поколениями как категории иной ментальности, отличной от современной.

На постсоветском пространстве наибольшая заслуга в актуализации понятия ментальности, на наш взгляд, принадлежит А. Гуревичу, а также его сотрудникам и ученикам [4–7]. Как отмечает сам А. Гуревич: «Перемещение интереса с идеологических конструктов на мировидение обусловлено пониманием того, что за теориями и учениями кроется иной план реальности, укорененный в сознании людей, при этом укорененный столь глубоко и прочно, что одна идеология сменяет другую, а потаенный слой образов и представлений может оставаться неизменным или изменяться лишь отчасти, сохраняя свои основные параметры» [8, с. 29].

В концепции, предложенной украинскими философами, ментальность рассматривается как способ мировосприятия и миропонимания, который отличает один этнос от другого, одну цивилизацию от другой, культуру одной социальной общности от культуры другой социальной общности. В связи с нашим исследованием постсоветской идеологической ситуации необходимо отметить следующие особенности, вытекающие из такой трактовки понятия «ментальность». Во-первых, ментальность лишает идеологию статуса универсальной категории и вытесняет ее в сферу сугубо политическую. Во-вторых, меняется субъектное основание мировосприятия и миропонимания, оно из партийно-классового трансформируется в этнонациональное и цивилизационное. Ментальность, по мысли одного из авторов «Теории ментальности» П. Йолона, «продуцируется в процессе жизнедеятельности этноса...» [1, с. 376], она «...вместе с материальными факторами интегрирует народ, нацию в единое целое, составляет основу национальной идентичности и идентификации личности, соединяет один народ, нацию с другими и отличает его от них, делает его неповторимо самобытным» [1, с. 384].

Существенное различие категорий «ментальность» и «идеология» заключается в том, что первая возвращает в процесс социально-философского исследования категорию души, от которой вторая дистанцировалась с момента

своего рождения. По своему этимологическому происхождению термин «ментальность» восходит к выражению «склад души». Она характеризует не только рациональные и сознательные слои человеческой психики, но пытаются уловить их связь с иррациональным и бессознательным. Естественно, что возвращение интереса к душе происходит не в том виде, в котором она была достоянием метафизики и теологии. Ментальность характеризует духовную жизнь личности через совокупность ее интересубъективных связей, а духовную жизнь нации она схватывает через особенности социальных организаций и общественных институтов. Как полагает М. Попович, особое внимание в уяснении психологического измерения ментальности следует уделить концепции Э. Фромма, описывающей патологические девиации личности. В эпоху социальных трансформаций поведение таких личностей становится социальной нормой и определяет ментальность больших социальных групп.

Наконец, непосредственно сопоставляя категории идеологии и ментальности, авторы «теории ментальности» переходят к трактовке идеологии как исторически ограниченного типа ментальности, характерного для уходящей эпохи. Эта эпоха отличалась высокими темпами общественных преобразований и перманентным состоянием нестабильности. Идеология в эпоху социально-экономических трансформаций выполняет роль интегрирующего фактора, она нацелена на ментальную консолидацию больших социальных групп и достижение высокой эффективности коллективных действий. Другая отличительная черта идеологии как особого типа ментальности заключается в том, что она эффективно действует на низшие слои общества, которые, получив свободу, начинают активно культивировать псевдоэлитарность, но, по сути дела, защищают и консервируют свою неразвитость и групповой эгоизм. Одновременно происходит политическая акцентуация коллективных стереотипов мышления. Последние превращаются в жестко контролируемые образцы поведения, которые загоняют индивидуализацию и духовное развитие личности в отчужденные и бесчеловечные формы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Йолон П. Ф. Обрис ментальності та її суб'єкта / П. Ф. Йолон // Проблеми теорії ментальності / відп. ред. М. В. Попович. – К. : Наук. думка, 2006. – С. 372–403.
2. Проблеми теорії ментальності / відп. ред. М. В. Попович. – К. : Наук. думка, 2006. – 403 с.
3. Старовойт І. С. Західноєвропейська і українська ментальність: компаративний аналіз / І. С. Старовойт ; Тернопіл. акад. нар. госп-ва. – Тернопіль : СМНВП «Діалог», 1995. – 184 с.

4. История ментальностей и историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. – 255 с.
5. Ментальность россиян (специфика сознания больших групп населения России) / под ред. И. Г. Дубова. – М. : Имидж – Контакт, 1997. – 478 с.
6. Мостовая И. В. Архетипы и ориентиры российской ментальности / И. В. Мостовая, А. П. Скорик // Полит. исследования. – 1995. – №4. – С. 69–76.
7. Российская ментальность (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1994. – № 1. – С. 25–53.
8. Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов» / А. Я. Гуревич. – М. : Индрик, 1993. – 319 с.

І. В. Жеребятнікова, кандидат соціологічних наук, доцент,
Харківський національний економічний університет імені Семена Кузнеця

УПРАВЛІННЯ ПОЛІТИЧНИМИ КОНФЛІКТАМИ У ТРАНЗИТНИХ СУСПІЛЬСТВАХ

Вивчення конфліктів є одним із провідних напрямів політичної науки, оскільки трансформаційні процеси, що відбуваються в соціально-економічній, політичній й духовно-ментальній системах сучасного українського соціуму, значно підвищують вірогідність непередбачуваних подій, політичної і соціальної нестабільності. Конфліктні протистояння в політичній сфері виявляються в намаганнях суб'єктів політики реалізувати свої цілі та інтереси в системі владних відносин, протікають у латентних та прихованих формах, носять локальний та загальний характер. Але дуже часто конфлікти набувають небезпечного розмаху, виходять з-під контролю як державних, так і громадських організацій; з'являється реальна загроза національній безпеці країни і суспільство опиняється на межі катастрофи. До того ж, у процесі політичних переламів виявляються й специфічні внутрішні протиріччя, що додатково впливають на розвиток усіх та перебіг значної частини політичних процесів.

Виходячи з цього, особливої актуальності сьогодні набуває завдання наращування теоретичного та практичного потенціалу дослідження проблеми конфлікту у всіх її основних аспектах – пізнання сутності та причин, управління конфліктом, розробка шляхів і засобів їх запобігання, регулювання і вирішення тощо. Українське суспільство потребує нагальних засобів, які б запобігали надмірному загостренню суперечностей та гарантували б надійний та ефективний контроль за врегулюванням конфліктних ситуацій.